
ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТЬ: КОМПОНЕНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (сравнительная характеристика России и Сербии)

У.В. Шувакович¹, И.В. Троцук²

¹Кафедра социологии
Философский факультет
Университет Приштины
ул. Филипа Виньича, 6б, Косовска Митровица, Сербия, 38220

²Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье обозначены базовые концептуальные и эмпирические интерпретации понятия «патриотизм», используемые в социологических исследованиях по самой разной проблематике. С одной стороны, авторы подчеркивают неоднозначность данного понятия в предметном поле самых разных дисциплин, которую усугубляет его внятная идеологическая нагрузка, сменившая содержательные и функциональные акценты в постсоветский период, но отнюдь не утратившая своей значимости, что собственно и затрудняет достижение исследовательского компромисса в теоретических трактовках патриотизма. С другой стороны, в статье показана «диагностическая» важность эмпирических «замеров» патриотического настроения молодежи: представлены эмпирические индикаторы оценки патриотизма как социальной установки, систематизированы базовые исследовательские подходы к изучению патриотизма, проведен сравнительный анализ патриотических настроений российской и сербской студенческой молодежи.

Ключевые слова: патриотизм; патриотический настрой; концептуальные и эмпирические интерпретации патриотизма; студенческая молодежь; Россия и Сербия; опросный инструментарий.

С одной стороны, значение слова «патриотизм» совершенно прозрачно, поскольку зафиксировано в многочисленных словарных статьях — это «любовь к своей стране, отчизне», соответственно, патриот — «любитель отечества, ревнитель о благе его» [3. С. 24]. С другой стороны, это понятие крайне многозначно и допускает самые противоречивые трактовки в контексте текущей или исторически отдаленной политической ситуации, а также с учетом идеологических воззрений использующих его авторов: патриотизм может декларироваться и как абсолютное добро, и, наоборот, как источник межнациональных распрей и социальной напряженности. Так, Л.Н. Толстой неоднократно высказывался о патриотизме весьма жестко: «есть в наше время чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество, и поэтому чувство это не должно быть воспитываемо, как это делается теперь, — а напротив, подавляемо и уничтожаемо всеми зависящими от разумных людей средствами. Но удивительное дело, несмотря на неоспоримую и очевидную зависимость только от этого чувства разоряющих народ всеобщих вооружений и губительных войн, все мои доводы об отсталости, несвоевременности и вреде патриотизма встречались и встречаются до сих пор или молчанием, или умышленным непониманием,

или еще всегда одним и тем же странным возражением: говорится, что вреден только дурной патриотизм, джингоизм, шовинизм, но что настоящий, хороший патриотизм есть очень возвышенное нравственное чувство, осуждать которое не только неразумно, но преступно. О том же, в чем состоит этот настоящий, хороший патриотизм, или вовсе не говорится, или вместо объяснения произносятся напыщенные высокопарные фразы, или же подставляется под понятие патриотизма нечто, не имеющее ничего общего с тем патриотизмом, который мы все знаем и от которого все так жестоко страдаем... то чувство патриотизма, которое одно поддерживает это орудие насилия, есть чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное — безнравственное... всякий человек, под влиянием патриотизма, признает себя сыном своего отечества, рабом своего правительства и совершает поступки, противные своему разуму и своей совести» [8].

Вероятно, буквально каждый российский общественный деятель, писатель и поэт в обозримой исторической перспективе не преминул высказать свое отношение к патриотизму, хотя конкретные тематические контексты и оценки данного социального феномена могли существенно различаться, хотя следует признать, что акценты обычно смещались либо в сторону так называемого «национального вопроса» (соотношение патриотизма и национализма — одна из сложнейших и не утрачивающих своей остроты проблем в российской истории), либо в условную геополитическую плоскость, т.е. к оценкам внешнеполитических последствий доминирующих в конкретный исторический момент трактовок патриотизма. Для каждого из обозначенных акцентов можно найти совершенно противоположные по своим содержательным и оценочным векторам цитаты в российской научной, художественной и публицистической литературе, которые всегда вызывали ожесточенные споры.

В качестве примера приведем следующее «глобалистское» определение: «в человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро, — сколько возможно больше и сколько возможно лучше... Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь именно его настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен. Оттого-то настоящий патриот терпеть не может хвастливых и восторженных восклицаний о своем народе, оттого-то он смотрит презрительно на тех, которые стараются определить грани разъединения между племенами. Настоящий патриотизм как частное проявление любви к человечеству не уживается с неприязнью к отдельным народностям» [4]. Великий русский ученый Д.И. Менделеев отрицал подобную интерпретацию: «Любовь к отечеству, или патриотизм... некоторые из современных крайних индивидуалистов уже стараются представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви ко всему человечеству с участием в делах узкого кружка лиц, образующих общину (коммуна), город или вообще физически обособленную группу. Такое, очевидно, недомысленное

учение приписывает патриотизму многие худые явления общественности и похвалется тем, что к этому клонится уже всеобщее сознание, а в будущем перейдет будто бы все человечество. Лживость такого учения становится, на мой взгляд, ясной не столько со стороны одних важных исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающие самое происхождение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в каком будущем нельзя представить слияния материков и стран, уничтожения различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главнейшую причину соревнования и прогресса, не упоминая уже о том, что внутреннее чувство ясно говорит, что любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого, общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния» [б. С. 111—112].

Подобные концептуальные расхождения обусловили нынешнюю российскую ситуацию, когда словарное определение патриотизма (максимально широкое и схематичное — «любовь к стране и защита интересов отчизны») оказалось наиболее общепризнанным, поскольку на его основе можно выстраивать любую аргументацию, акцентируя внимание на исторических судьбах страны, гордости за достижения народа, критике органов государственного управления, сочувствии к нуждам населения, уважении героического прошлого и традиций, привязанности к «малой родине» (условно именуемой «любовью к отеческим могилам»), способности к самопожертвованию в интересах страны и соотечественников, готовности бороться с врагами отечества, защищать его интересы и т.д. В то же время разброс трактовок и размытость понятия осложняют попытки как «учить» патриотизму (что сегодня постулируется российским руководством как одна из ключевых задач образовательной системы), так и изучать его в рамках эмпирических исследований самой разной дисциплинарной принадлежности. Большинство федеральных и региональных программ сводит патриотическое воспитание либо к неким доступным в конкретных образовательных учреждениях форматам военной подготовки, либо к разнообразным формам сохранения и поддержки «аутентичности» национальных меньшинств (по сути, «патриотическое воспитание» заменяется «этнокультурным»), либо к воспроизводству и закреплению определенной культурной автономии.

Таковы концептуальные рамки, в которых с 2007 г. Социологическая лаборатория Российского университета дружбы народов проводит серию репрезентативных (по критерию профилей подготовки — технический, естественнонаучный и социально-гуманитарный) опросов московского студенчества (обычно выборка насчитывает не менее 1000 респондентов), посвященных оценке мировоззренческих доминант российского молодежи. Инструментарий анкетирования включает в себя несколько тематических блоков: запросы в образовательной сфере, ожидания в отношении будущего трудоустройства и требования к работе, семейно-брачные ценности, приоритеты в межличностном общении, заинтересованность в политике, участие в выборах разного уровня и т.д. Один из блоков анкеты содержит в себя вопросы о том, считают ли студенты себя патриотами и каковы объекты национальной гордости для нынешних молодых поколений.

Следует констатировать, что в ходе социальных преобразований 1990-х гг. прежняя советская система патриотического воспитания была разрушена, как и поддерживаемое ею понимание патриотизма: если в советский период данное понятие имело внятную и однозначную трактовку и ассоциативный ряд, то с начала 1990-х оно обрело негативные и даже саркастические коннотации, причем прежде практически идентичные понятия родины и государства оказались четко разведены. Так, в 1990-е гг. слово «Родина» вызывало у россиян теплые эмоции благодаря детским воспоминаниям о собственном доме, ассоциировалось с природой родной страны, гордостью за свой язык и культуру, тогда как государство — с бюрократическим аппаратом, манипулирующим понятием патриотизма, чтобы в коллективных представлениях россиян приравнять любовь к дому и отчизне к любви к государству. И если на уровне массового сознания подобные манипуляции отчасти срабатывали, то на индивидуальном уровне — нет: люди не понимали, почему их теплые воспоминания о малой родине должны заставить их, например, служить в армии и платить налоги бездушной государственной машине, которая постоянно вмешивалась в их личную жизнь, не предоставляя взамен никаких социальных гарантий.

С начала 2000-х гг. опросы общественного мнения демонстрируют устойчивый рост числа респондентов, считающих себя патриотами, — данный показатель стабилизировался к середине 2000-х, и к 2010 г. достиг 84% — в основном это жители Москвы и Санкт-Петербурга и пожилые люди (88%) [7] (табл. 1).

Таблица 1

Как бы Вы сами себя охарактеризовали — как патриота своей страны или нет?
(закрытый вопрос, один ответ), %

Варианты ответов	2005	2006	2008	2010
Да, безусловно	47	42	48	41
Скорее да	37	42	40	43
Скорее нет	8	10	6	9
Безусловно нет	2	2	2	1
Затрудняюсь ответить	6	5	5	6

Новое патриотическое сознание представляет особый интерес для социологов, историков и политологов, ориентированных на изучение «патриотического духа» молодых граждан, чье становление пришлось на время перестройки — период, кардинально отличающийся по своим социализационным параметрам от аналогичных контекстов взросления старших поколений, поскольку изменились как позиции России на международной арене, так и объективные социально-экономические условия и перспективы жизни в стране. В большинстве исследований патриотизм рассматривается как уважение граждан к обществу и государству, истории и традициям страны, т.е. как некая фундаментальная идея, объединяющая людей. Соответственно, базовыми компонентами патриотизма как социокультурного феномена выступают духовные и идеологические ценности, а также готовность к действиям в интересах общества, которая может проявляться на общенациональном, групповом и межличностном уровне.

В то же время понятие патриотизма имеет не только «диагностический», но и практический потенциал, поскольку лежит в основе государственной идеологии, стремящейся восполнить патриотической риторикой неуважение и недоверие граждан к органам государственной власти, остановить нарастание сепаратистских настроений, сдержать усиление глобализационных тенденций. Первая Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2006 годы» была призвана возродить патриотизм и как особое личное переживание, и как основу социального единства в целях стабилизации общества. Программа фокусировалась на развитии патриотического воспитания, в перспективе способного возродить гражданское патриотическое сознание и готовность выполнять свой гражданский и конституционный долг по защите интересов родины посредством соответствующих форм военного и патриотического обучения (просмотр художественных и документальных фильмов, чтение литературы и прочие виды образовательной и досуговой активности).

В 2006 г. была принята вторая программа на 2006—2010 гг. [1], ориентированная на дальнейшее развитие массового патриотического сознания как основы духовного единства страны. Ее разработчики исходили из того, что за предшествующие пять лет были созданы единые на федеральном и региональном уровне институциональные условия патриотического воспитания, поэтому ориентировалась в основном на молодые поколения, предложив развивать систему патриотического воспитания через специализированные координационные советы и центры. Последняя на сегодняшний день Государственная программа, принятая в 2011 г., призвана способствовать уничтожению экстремистских проявлений и политической стабилизации общества [2]. Она утверждает, что «система патриотического воспитания в стране в основном уже создана» и «патриотические настроения граждан укрепляются» (координационные советы и центры патриотического воспитания функционируют, приняты соответствующие региональные программы, проводятся фестивали, выставки и конкурсы по патриотической тематике и т.д.), поэтому нацелена на оптимизацию правовой базы патриотического воспитания, развитие системы «профессиональной патриотической подготовки» и стимулирование граждан к более активному использованию Интернета в образовательных и социальных целях.

В рамках социологических опросов мы не ставили перед собой задачи оценить результаты двух государственных программ патриотического воспитания («измерить» уровень патриотизма до и после разработки и принятия таковых) — мы хотели охарактеризовать общий патриотический настрой российских студентов. По данным анкетирования, реализованного в конце 2011 — начале 2012 г. (инструментарий опроса был полностью посвящен патриотической проблематике, опрос проводился среди студентов Российского университета дружбы народов), понятие, которое вызывает у студентов наиболее теплые чувства, — «моя страна (Россия)» (29%), за ним следуют «весь мир» (19%), «мой край, республика, область» (12%) и Евразия (9%). Для каждого второго респондента Родина — это скорее «Россия в целом» (46%), для каждого четвертого — «семья и близкие» (23%), 16% назвали населенный пункт, в котором родились, 12% — область или край, в котором живут.

Большинство (89%) студентов уверены, что национальная символика — неотъемлемый атрибут любой страны, который позволяет отличать ее от других (90%) и, даже если и не несет особой смысловой нагрузки (87%), но служит сплочению страны и обеспечению солидарности общества (66%). Каждый третий знает о возникновении, значении и изменениях государственной символики, а каждый пятый не интересуется ею и считает, что «эта тема устарела и не представляет особого интереса». Тем не менее, почти половина опрошенных (44%), когда слышит государственный гимн России, испытывает чувство воодушевления и гордости за свою страну, а каждому четвертому он «нравится просто по-человечески» (23%).

Большинство (78%) студентов убеждены, что Россия — страна с огромным потенциалом, которая не должна зависеть от США и Запада (62%), и все ее проблемы — от неспособности правителей руководить государством и их эгоистических интересов (62%) и отсутствия «нормальных» законов (70%), поэтому через 10—15 лет они видят Россию среднеразвитым государством (58%), находя в нынешних ее реалиях основания одновременно для гордости и негативных эмоций (71%). Продолжая фразу «Я как гражданин России могу гордиться...», студенты могли выбрать несколько вариантов ответа, но лидером условного рейтинга национальной гордости стало героическое прошлое страны (77%), на втором месте — искусство (52%), на третьем — спортивные успехи, научные и технические достижения (более 40%); каждый четвертый гордится духовностью российского народа; крайне редко упоминаются экономическое развитие страны, внешняя политика, деятельность властных структур, защита прав и свобод граждан и система социального обеспечения (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг оснований национальной гордости

Я как гражданин России могу гордиться...	%	«Места»
Героическим прошлым страны	77,4	1
Искусством	52,1	2
Спортивными успехами	42,8	3
Культурой страны	41,8	
Научными и техническими достижениями	40,4	4
Духовностью российского народа	24,8	
Системой образования	17	5
Внешней политикой России	13,6	6
Российской армией	8,8	7
Экономическим развитием страны	5,8	8
Внутренней политикой России	4,6	9
Деятельностью властных структур	4,1	
Защитой прав и свобод граждан	4,1	
Системой социального обеспечения	3,4	10

Подобное распределение ответов в значительной степени обусловлено тем, как студенты оценивают ситуацию в стране (в анкету был включен набор соответствующих дихотомических шкал): две три опрошенных убеждены в наличии угрозы социальных волнений и беспорядков (73%), каждый второй опасается массовой безработицы (51%), экологической катастрофы (53%), провала экономической политики (58%), развала науки и образования (53%), утраты национальной культуры

(50%), еще чаще (66%) — религиозных конфликтов. Тем не менее, большинство уверено, что стране не угрожает распад (78%) или военная диктатура (83%).

Каждый четвертый студент (26%) затруднился с однозначной идентификацией себя в терминах патриотизма, 60% считают себя патриотами, 14% — нет. Основная причина затруднений здесь — сложность однозначного определения отношения к своей стране с помощью не вполне понятного слова «патриотизм» (37%), реже респонденты упоминают избыточную заидеологизированность понятия (19%), утрату им актуальности (17%) и искусственный характер (используется для манипулирования — 14%). Студенты демонстрируют впечатляющий уровень солидарности, называя основы патриотизма — любовь к родине и гордость за достижения страны и ее народа, что проявляется, в частности, в явном разведении понятий родины и государства: 65% опрошенных уверены, что их сверстники примут участие в военных действиях по отражению военной агрессии других государств — ровно столько же убеждено, что этого не произойдет в случае попытки государственного переворота.

Доминирование трактовки патриотизма именно как любви к родине подтверждается и уверенностью респондентов в том, что рост патриотизма в обществе происходит в периоды войн, революций, радикальных политических потрясений (74%), но не в ситуации крайнего обострения социальных противоречий (23%). Усиление патриотического настроения у конкретного человека студенты связывают, в первую очередь, с победами национальных сборных на международных спортивных соревнованиях (59%), вручением гражданам или выходцам из России значимых международных наград за научные, культурные, спортивные и иные достижения (42%), выездом человека за рубеж (39%) и государственными праздниками (38%) — самым патриотичным респонденты считают День Победы (85%).

В анкете был сформулирован открытый вопрос «Кого Вы лично могли бы назвать “настоящим патриотом” России в современном обществе и в российской истории?». Среди современников таковым оказался В.В. Путин (11%), за которым со значительным отставанием следуют Д.А. Медведев и В.В. Жириновский (по 3%); в отечественной истории — Петр Первый (13%), Сталин (4%) и Суворов (3%), т.е. в обоих исторических контекстах «настоящие патриоты» — прежде всего, «государственные мужи». Более того, выбирая окончания для высказывания «Настоящий патриот своей страны — это человек, который...», студенты отдали предпочтение «презентационному» компоненту «настоящего патриотизма», отмечая чаще всего такие закрытия, как: «читит историю и традиции своего народа» (72%), «выполняет свой воинский долг в рядах вооруженных сил» (31%), «стремится наиболее позитивно представлять свою родину в любых высказываниях», «нетерпим к любым проявлениям неуважения к своей стране и ее гражданам» (36%); третий по частоте упоминаний блок характеристик «настоящего патриота» формируют политически индифферентные и личностные черты — «хороший семьянин, родитель и друг» (21%), «старательный и успешный в работе или учебе» (17%), «активно участвует в мероприятиях и акциях патриотической тематики» (19%), или «в неоплачиваемых общественных работах (волонтерство, субботники,

донорство и т.д.)» (16%). Лишь каждый десятый (12%) полагает, что один из ключевых критериев патриотизма — членство в политических или общественных организациях.

Практически половина студентов (44%) уверена, что патриотизм следует целенаправленно воспитывать, 27% полагают, что он должен складываться стихийно, чтобы не стать навязанной принудительно псевдоценностью, примерно столько же (29%) затрудняются с выбором одной модели формирования чувства патриотизма, считая, что патриотический настрой формируется одновременно и стихийно, и целенаправленно. Однако, оценивая российскую ситуацию, респонденты утверждают, что правительство и президент стремятся упрочить патриотические настроения населения больше словами, чем делом, не предпринимая никаких практических шагов в данном направлении, причем каждый пятый убежден, что власти совершенно ничего не делают (хотя выше были упомянуты три Государственные программы патриотического воспитания российских граждан).

В 2011—2012 гг. нами была предпринята одна из первых попыток прицельного социологического «замера» патриотических настроений студенческой молодежи, однако соответствующие вопросы и небольшие тематические блоки неоднократно включались нами в инструментарий анкетирований, посвященных оценке ценностных ориентаций нынешних российских поколений. Конечно, речь идет об очень незначительном патриотическом блоке, который дублировал несколько из указанных выше вопросов, поскольку в серии опросов в фокусе исследовательского интереса находился не патриотический настрой как таковой, а «поведение» его компонентов в контексте других ценностей молодежи. Так, анкетирование конца 2011 — начала 2012 г. на репрезентативной по профилям обучения выборке московского студенчества показало, что практически каждый второй московский студент считает себя патриотом; трудности с однозначной идентификацией себя в терминах патриотизма испытывает каждый третий, ссылаясь на невозможность подобной номинации своего отношения к стране (следует признать, что данное понятие слишком замылено, особенно в российском публичном дискурсе) или утрату данным термином своего значения в глобализирующемся мире (табл. 3).

Таблица 3

Причины затруднений с самоидентификацией в терминах патриотизма

Если Вы затруднились ответить на предыдущий вопрос («Считаете ли Вы себя патриотом?»), объясните почему:	2007	2012
Я не понимаю смысла понятия «патриотизм»	14%	8%
Мне сложно однозначно определить мое отношение к своей стране как патриотизм	51%	65%
В современную эпоху глобализации понятие патриотизма полностью теряет смысл	29%	24%
Другое	6%	3%

Поскольку комплексный инструментарий оценки ценностных ориентаций студенческой молодежи использовался нами неоднократно с 2007 г., сравнение результатов опросов 2007 и 2012 гг. позволяет говорить о постепенном размывании понятия «патриот» в повседневном дискурсе (несмотря на его активное и по-

литически чувствительное использование в медийном и публичном дискурсах): число затрудняющихся с однозначной идентификацией себя как патриота выросло за это время на 6% за счет отказывающихся назвать свое отношение к стране патриотизмом. Кроме того, число уверенно называющих себя патриотами (несмотря на неоднозначность оценок политических процессов в стране и в мире, судя по ответам на другие вопросы анкеты) осталось на том же уровне (половина опрошенных), а число не согласных идентифицировать себя подобным образом сократилось на 7% (табл. 4).

Таблица 4

Считаете ли Вы себя патриотом?	2007	2012
Да	51%	51%
Нет	18%	11%
Мне сложно однозначно ответить на этот вопрос	32%	38%

Независимо от самооценки в терминах патриотизма, московские студенты гордятся историческим прошлым страны (табл. 5), ее природными богатствами (табл. 6), культурным наследием (табл. 7) и спортивными достижениями (табл. 8) (в анкете использовался набор соответствующих дихотомических шкал).

Таблица 5

Как гражданин своей страны гордитесь ли Вы ее историей?	2007	2012
Да	87%	89%
Нет	13%	11%

Таблица 6

Как гражданин своей страны гордитесь ли Вы ее природными богатствами?	2007	2012
Да	87%	88%
Нет	13%	12%

Таблица 7

Как гражданин своей страны гордитесь ли Вы ее культурным наследием?	2007	2012
Да	93%	87%
Нет	7%	13%

Таблица 8

Как гражданин своей страны гордитесь ли Вы ее спортивными достижениями?	2007	2012
Да	78%	73%
Нет	22%	27%

Позиции России на международной арене — повод для гордости для каждого четвертого респондента, научные достижения и система образования — для каждого второго. В целом предметы национальной гордости и антигордости демонстрируют относительную стабильность, поскольку в распределении ответов во времени не отмечено значимых колебаний. Следует отметить лишь почти двойное увеличение числа тех, кто не считает культурное наследие страны поводом для личной гордости (с 7% до 13%) — вероятно, это следствие того, что за последние годы средства массовой информации последовательно дискредитировали и отрицали культурные достижения советского периода, которые прежде оценивались однозначно позитивно. С другой стороны, весьма громогласна и политическая риторика, требующая отказа от «почитания на лаврах советского прошлого», если нечем гордиться в настоящем, что также могло обусловить некоторое снижение значимости указанного индикатора.

К сожалению, в ответах московских студентов прослеживается следующая динамика: гордость за культурное наследие в широком смысле слова (достижения прежних поколений) сохраняется на высоком уровне с середины 2000-х гг. на фоне постепенного нарастания (хотя и в пределах статистической погрешности) разочарования нынешними условиями жизни, фиксируемого целой группой эмпирических индикаторов. Общие для большинства студентов сферы социального недовольства (показатели антигордости приближаются к 90%) таковы: состояние экономики и социальной сферы (лишь 13% находят здесь основания для гордости), соблюдение прав и свобод человека (17%), деятельность государственных органов (15%) и в целом уровень жизни населения (10%). Вполне предсказуемо столь высокий уровень социального недовольства не может не влечь за собой низкого уровня доверия базовым социальным институтам: лишь треть доверяет правительству и негосударственным организациям, судам и средствам массовой информации; каждый четвертый — Совету Федерации и Общественной палате (в последнем случае относительно высокий уровень доверия может объясняться банальным непониманием миссии и функций данной институции); каждый пятый — Государственной Думе. Абсолютный лидер студенческого рейтинга доверия — президент (58%, хотя треть не доверяет и ему), за ним следует церковь (50%), банки (47%) и крупный бизнес (40%). Антилидеры рейтинга — политические партии (им не доверяет 72% опрошенных), полиция и правоохранительные органы (77%) и армия (65%).

Вполне предсказуемы оказались и лидеры студенческого рейтинга ключевых для российской молодежи проблем — наркомания и алкоголизм (реже упоминается курение, но все вместе они влекут серьезные проблемы со здоровьем), морально-нравственная деградация общества, преступность (т.е. акцент делается на личных поведенческих характеристиках); за ними следует группа «объективных» факторов, видимо, определяющих широкое распространение проблем первой группы, — безработица и ее последствия — нехватка материальных средств, коррупция, недоступность образования, и в то же время общая экономическая и политическая ситуация в стране, стимулирующая поколенческие конфликты (табл. 9).

Таблица 9

На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью?	%	«Места»
Наркомания	76%	1
Алкоголизм	60%	2
Морально-нравственная деградация общества	48%	3
Курение	38%	4
Преступность	31%	5
Проблемы со здоровьем	28%	
Безработица	25%	6
Нехватка материальных ресурсов	25%	
Отсутствие поддержки со стороны государства	24%	
Коррупция власти	19%	7
Недоступность образования	16%	8
Экономическая ситуация в стране	14%	9
Нарушение гражданских прав и свобод личности	13%	
Ограниченные возможности досуга, скучная жизнь	12%	
Отсутствие взаимопонимания с родителями	12%	10
Политическая ситуация в стране и мире	4%	

Взглянув на табл. 10, согласно которой лишь каждый десятый студент уверен, что ситуация в стране (описанная выше в весьма темных тонах) никак не связана с его жизненными планами (с 2007 г. данный показатель снизился на 6%), можно было бы ожидать, что опрошенные продемонстрируют склонность к пессимистическим оценкам своего будущего (табл. 11), однако респонденты, напротив, смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом (каждый второй) или же без особого беспокойства, надежд и иллюзий (порядка 40%).

Таблица 10

По Вашему мнению, насколько ситуация в стране может повлиять на реализацию Ваших жизненных планов?	2007	2012
Ситуация в стране никак не связана с моими жизненными планами	16%	10%
Может повлиять, но крайне незначительно	32%	34%
Будет оказывать значительное влияние	25%	34%
Реализация моих жизненных планов полностью зависит от ситуации в стране	7%	6%
Затрудняюсь ответить	20%	16%

Таблица 11

С каким настроением Вы смотрите в будущее?	2007	2012
С надеждой и оптимизмом	46%	49%
Спокойно, но без особых надежд и иллюзий	43%	43%
С тревогой и неуверенностью	8%	7%
Со страхом и отчаянием	3%	1%

Возможно, подобный жизненный оптимизм в свете приведенных выше данных объясняется, с одной стороны, «юношеским максимализмом» и свойственной молодости уверенности, что будет хорошо, с другой стороны, консолидированной поколенческой гордостью своим культурным наследием в широком смысле

слова, что придает уверенности в собственных силах и предоставляет поведенческие образцы для подражания. Треть респондентов считает себя оптимистами, треть — реалистами, треть ориентируется по ситуации; почти половина планирует свою жизнь на краткосрочную перспективу, каждый третий — на долгосрочную.

В исследованиях патриотического настроения сербской молодежи также использовались две стратегии: прямые «замеры» патриотизма как ценности и социальной установки на репрезентативной выборке белградского студенчества в 2010 г. (1); косвенные «замеры» — через оценку восприятия студентами Косовска-Митровицы проблемы сохранения целостности и суверенитета страны. Прежде чем перейти к анализу результатов данных опросов, подчеркнем, что политические трансформации, целенаправленно проводимые в жизнь руководством Сербии с начала 2000-х гг., были направлены на формирование в общественном мнении устойчивого негативного восприятия патриотизма как «антиценности» [10], от имени и под лозунгом которой совершались как «преступления» в ходе вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии, так и коррупционные аферы и растраты государственного бюджета (2). Понятия «патриотизм» и «патриот» подвергались издевательским насмешкам на протяжении всего первого десятилетия XXI в.: «Новые элиты отвернулись от своей родины, народа, традиций и патриотизма. Международные связи, рынок, накопление денег и гламур стали сутью их жизни. На этом фундаменте получило широкое распространение высказывание “патриотизм — последнее прибежище негодяев”» [19. С. 132].

В результате, что вполне предсказуемо, в последнее десятилетие социализация сербской молодежи осуществлялась на основе идеи не патриотического, а скорее глобализационного образования. Поскольку патриотизм как ценностная ориентация формируется у ребенка в детстве, в ходе первичной социализации в семье, а затем в процессе школьного обучения [12. С. 33; 20] и политической социализации, определяющей интериоризацию определенных ценностей национальной культуры [16], нельзя сводить его лишь к «конституционному патриотизму», что пытался сделать Ю. Хабермас. К сожалению, сербская образовательная система и сегодня еще не институционализовала процесс патриотического воспитания, отдавая явный приоритет глобализационной модели Болонской конвенции, хотя последняя нежизнеспособна: общие ценности усваиваются индивидом только через свои специфические проявления, т.е. «чтобы ощущать себя частью рода человеческого, индивид должен принадлежать конкретному обществу. Человек, который не стал частью какого-либо общества, пусть даже не того, с которым связан языковыми и культурными узами, есть и останется нарциссистом, который любит только себя, но презентует себя на публике как любящего все человечество» [13. С. 398]. Причем если в Сербии и России патриотизм как ценность — вещь дискуссионная, то «в Америке был принят так называемый “Патриотический акт”, который ограничивает целый ряд личных прав и свобод, апеллируя к ценности, которая не признается безусловной в других странах по многим причинам, — к патриотизму» [14. С. 863].

Таковы концептуальные и политические контексты исследования, проведенного в мае 2010 г. на двухуровневой кластерной выборке белградских студентов в 500 человек методом анкетирования. 64% опрошенных считают себя патриотами, 11% — нет, каждый четвертый затруднился однозначно ответить на данный вопрос. Если суммировать число последних с не считающими себя патриотами, то окажется, что чуть меньше трети студентов испытывают сложности с самоидентификацией в терминах патриотизма — распределение причин затруднений представлено в табл. 12.

Таблица 12

Причины затруднений с самоидентификацией в терминах патриотизма

Если Вы затруднились ответить на предыдущий вопрос («Считаете ли Вы себя патриотом?»), объясните почему?	2010
Я не понимаю смысла понятия «патриотизм»	9,8%
Мне сложно однозначно определить мое отношение к своей стране как патриотизм	45,1%
В современную эпоху глобализации понятие патриотизма полностью теряет смысл	33,2%
Другое	10,9%

Явное доминирование второго варианта свидетельствует о сбоях в социализационном процессе, особенно на второй — институциональной — его ступени, когда формируется патриотический настрой. Следует помнить, что речь идет о респондентах, которые имеют весьма смутные воспоминания о войнах на территории бывшей Югославии, не способны судить об их причинах на основе личного опыта, чья социализация проходила в условиях доминирования дискурса, возлагающего вину за все вооруженные столкновения на Сербию и постулирующего в качестве основного доказательства «европейскости» страны требование, чтобы каждый серб был как можно менее патриотичен. Но, несмотря на массивную антипатриотическую пропаганду в течение десятилетия, почти $\frac{2}{3}$ студентов в крупнейшем университете страны, в столице Сербии, где воздействие идеологии глобализации было максимальным, назвали себя патриотами.

Чтобы оценить, каковы основания национальной гордости респондентов, формирующие и поддерживающие чувство патриотизма, в анкете был предложен вопрос «Вы гордитесь...», 13 возможных ответов на который были сформулированы в виде дихотомических шкал (табл. 13). Наибольшую гордость у белградских студентов вызывают «объекты», максимально нейтральные в социально-политическом контексте, но выступающие внятными источниками патриотических чувств: природные ресурсы, спортивные достижения, культурное наследие, история страны (эти варианты набрали более 85%), с огромным отрывом за ними следует система образования (около 35%); уровень жизни населения — повод фактически для чувства стыда (97% не находят здесь оснований для гордости), за ним с незначительным отставанием следует экономика, социальная сфера и положение страны на международной арене, набравшие более 90% негативных ответов.

Таблица 13

Основание национальной гордости

Вы гордитесь...	Да (%)	Нет (%)	Ранг
Природными ресурсами	91,7	8,3	1
Спортивными успехами	88,4	11,6	2
Культурным наследием	87,6	11,9	3
Историей страны	85,6	14,3	4
Системой образования	34,8	65,2	5
Армией	31,3	68,7	6
Развитием науки и техники	29,5	70,5	7
Защитой прав и свобод личности	29,1	70,9	8
Работой государственных органов	11	89	9
Положением страны на международной арене	8,4	91,6	10
Состоянием социальной сферы	5,3	94,7	11
Экономикой страны	3,7	96,3	12
Уровнем жизни граждан	3,3	96,7	13

Поскольку в качестве респондентов выступали студенты, мы сочли принципиально важным узнать их «экспертное» мнение о проблемах, с которыми сталкивается сегодня сербская молодежь (табл. 14): лидером оказалась наркомания (80%), каждый второй назвал алкоголизм (47%); на втором месте по частоте упоминаний — проблемы, решением которых может и должно заниматься общество, — преступность и безработица (по 58%). Интересен тот факт, что лишь каждый десятый студент назвал в качестве острейшей проблемы молодежи отсутствие поддержки государства (11% — примерно столько же указали недоступность образования и ограниченные возможности досуга, что также входит в зону государственного регулирования и внимания), что можно интерпретировать как результат привыкания молодежи к сложившемуся положению дел. Хотя политическая ситуация в стране и мире не вошла в число лидеров молодежных проблем, набрав примерно 12% ответов, более половины опрошенных (57%) убеждены, что она определяет реализацию их жизненных планов (табл. 15), — вероятно, данное противоречие объясняется тем, что последние десятилетия сербской истории можно охарактеризовать как время последовательного применения жестких принципов государственного вмешательства во все сферы жизни общества [20].

Таблица 14

На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью? (можно выбрать не более пяти вариантов ответа)	%	Ранг
Наркомания	80	1
Преступность	58,3	2
Безработица	57,8	3
Алкоголизм	46,8	4
Морально-нравственная деградация общества	36,5	5
Экономическая ситуация в стране	35,3	6
Коррупция власти	31,9	7
Нехватка материальных ресурсов	28,9	8
Курение	23,7	9
Отсутствие взаимопонимания с родителями	13,1	10
Политическая ситуация в стране и мире	12,4	11

Окончание

На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью? (можно выбрать не более пяти вариантов ответа)	%	Ранг
Отсутствие поддержки со стороны государства	10,8	12
Недоступность образования	10,8	12
Ограниченные возможности досуга, скучная жизнь	10,6	13
Проблемы со здоровьем	8	14
Нарушение гражданских прав и свобод личности	6,9	15
Другое	1,6	16

Таблица 15

По Вашему мнению, насколько ситуация в стране может повлиять на реализацию Ваших жизненных планов?	%
Ситуация в стране никак не связана с моими жизненными планами	8,8
Может повлиять, но крайне незначительно	25,1
Будет оказывать значительное влияние	47,4
Реализация моих жизненных планов полностью зависит от ситуации в стране	9,5
Загрудняюсь ответить	9,1

Тем не менее, в будущее белградские студенты смотрят вполне реалистично: 44% — с надеждой и оптимизмом, 30% — спокойно, хотя и без особых надежд и иллюзий; каждый пятый респондент выразил тревогу и неуверенность, каждый десятый — страх и отчаяние. Почти половина опрошенных планирует свое будущее на краткосрочную перспективу (45%), чуть менее трети — на долгосрочную (30%), 16% вообще не планируют свое будущее, предпочитая жизнь сегодняшним днем, а каждый десятый не задумывался об этом. «Полученные данные согласуются с ранее зафиксированной тенденцией, согласно которой в государствах переходного типа экономический кризис порождает стойкое ощущение, что повседневная жизнь для большинства населения — не что иное как борьба за выживание. Феномен “сокращающейся перспективы” доминирует в социальной атмосфере подобного типа обществ, проявляя себя в отказе от долгосрочных целей, интересов и стратегий в пользу краткосрочного планирования» [15. С. 892].

Итак, обозначив мировоззренческие контексты патриотической проблематики, вернемся собственно к ней, отметив, что декларативная номинация себя патриотом и «реальный» патриотизм — разные вещи. К сожалению, сербы, особенно студенты, находятся в ситуации постоянного испытания своего патриотизма, поскольку в Косово и Метохии, территориальных частях Сербии, сепаратисты объявили «независимость», которую западные державы стремятся признать де факто и де юре. Вот почему мы сочли необходимым представить сравнительную характеристику оценок сложившейся ситуации студентов Белградского университета и Университета Приштины, временно расположенного в Косовска-Митровица, которые были получены в ходе анкетирования, реализованного на квотной выборке в 400 респондентов в Белграде в 2010 г. и в Косовска-Митровица в 2012 г. (3) (табл. 16).

Таблица 16

Сербия не должна признавать независимость Косово	Категорически не согласен (%)	Затрудняюсь ответить (%)	Абсолютно согласен (%)
Студенты Белградского университета (2010)	7,9	11,2	71,1
Студенты Университета в Косовска-Митровица (2012)	2,8	6,1	87,1

Хотя в вопросе была использована шкала с пятью градациями, позволяющая респондентам отметить варианты частичного согласия/несогласия, число выбравших таковые оказалось настолько незначительным, что в таблице они были отнесены к затруднившимся ответить. Таким образом, в данном вопросе, принципиально важном для целостности страны, студенты внятно выразили свой патриотический настрой, который в случае белградских респондентов (4) оказался даже более явным по сравнению с ответами на прямой вопрос считают они себя патриотами или нет. Бóльшая доля категорически не согласных признавать независимость Косово в Косовска-Митровице понятна, учитывая, что сегодня город разделен на две части и студенты имеют непосредственный опыт столкновений с ежедневным террором албанских экстремистов в отношении сербского населения. Иными словами, выражая свой протест против признания независимости Косово Сербией, местные студенты, по сути, говорят о своем выживании на этой территории — оно станет невозможным, если Сербия признает суверенитет Косово. Высокая доля придерживающихся того же мнения белградских студентов — индикатор их патриотического настроения, что противоречит мнению многих аналитиков, утверждающих, не имея, впрочем, для этого никакой эмпирической базы, что студенты сегодня глобалистски ориентированы.

Если мы обратимся к сравнению патриотического настроения студентов Белграда и Москвы, то, несмотря на вполне предсказуемые различия в данных, следует признать, что молодежь двух стран считает себя патриотами: практически каждый второй в Москве и 64% в Белграде, однако количество не считающих себя патриотами одинаково (11%), т.е. сербские студенты реже, чем московские (25% против 38%), испытывают сложности в однозначной идентификации себя как патриотов. Следует признать, что систематическая антипатриотическая кампания международных организаций и средств массовой информации дала определенные результаты, хотя в Сербии и не достигла своих целей, о чем свидетельствует основной эмпирический индикатор патриотизма — восприятие Косово и Метохии как неотъемлемой части Сербии: 71% респондентов выступает против признания «независимости Косово», причем этот показатель в Косовска-Митровице достиг 87% в 2012 г., хотя, конечно, необходимо учитывать, что опрашивались студенты, проживающие в зоне замороженного вооруженного конфликта. Таким образом, абсолютное большинство сербских студентов выступает против признания «независимости Косово», а это прекрасный индикатор патриотического самоопределения.

Меньшинство российских и сербских респондентов испытывает затруднения в самоопределении себя как патриотов, и доминирующая причина здесь — слож-

ность однозначного наименования отношения к стране «патриотизмом», что можно оценивать как результат существенных пробелов в функционировании институтов социализации, ответственных за формирование патриотического настроения, — об осознании и признании данного факта говорит то, что российское руководство с 2001 г. последовательно реализует программы патриотического воспитания. Второй основной аргумент, к которому апеллировали студенты, затруднившиеся назвать себя патриотами, — утрата понятием патриотизма своего смысла в современную эпоху глобализации. Хотя данный вариант ответа чаще выбирали сербские студенты, следует все же признать, что и российское, и сербское общество в перспективе столкнутся с проблемой неоднозначности восприятия и претворения в жизнь идеологии глобализации, особенно среди молодых своих граждан.

Наиболее интересны различия московского и белградского студенчества в выборе оснований для национальной гордости. Так, у российской молодежи безусловные лидеры — героическое прошлое страны, искусство, спортивные успехи, культурные, научные и технические достижения, тогда как у сербских студентов, которые демонстрируют куда большую консолидированность оценок, — менее «политические» объекты — природные ресурсы (92%), спортивные успехи, культурное наследие и история страны (более 80%) и система образования (35%), т.е. базовые поводы для гордости у студентов двух стран практически совпадают (история, культура и спорт). Если сопоставить распределение ответов на соответствующий вопрос по российской и сербской выборке, то не меньшее сходство демонстрируют и антилидеры рейтинга национальной гордости — экономическая ситуация, система социального обеспечения, уровень жизни населения и т.д. Не меньшее единодушие демонстрируют студенты и в оценке наиболее важных для молодежи проблем: в двух массивах лидирует наркомания, за которой следуют алкоголизм, преступность и морально-нравственная деградация общества. Сербские студенты несколько больше обеспокоены проблемой безработицы: хотя серьезные сложности с трудоустройством молодежь испытывает во всех переходных обществах, различия в частоте упоминаний безработицы московскими и белградскими студентами, видимо, объясняются более низким уровнем безработицы в России (6,1% трудоспособных граждан в 2011 г. против 22,2% в Сербии).

Другое значимое различие в распределении ответов российских и сербских студентов прослеживается в оценках влияния текущей ситуации в стране на реализацию жизненных планов молодежи: московских респондентов такое беспокоит существенно реже, чем белградских, что, видимо, можно рассматривать как серьезный индикатор стабилизации жизни в России. В целом российские студенты чаще смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом, среди них больше и реалистов, оценивающих свое будущее спокойно, пусть и без особых надежд и иллюзий. Среди белградских студентов выше уровень тревоги и беспокойства, которые выражает каждый пятый опрошенный (среди россиян таковых лишь 7%), причем каждый десятый респондент испытывает страх и отчаяние (в Москве, соответственно, 1%). Возможно, подобный жизненный оптимизм московского студенчества можно объяснить чувством принадлежности к великой и сильной стране, независимо от самооценки в понятиях патриотизма и его «реального» уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Тематика анкетирования была шире, чем только патриотический настрой; опрос проводился на основе инструментария, разработанного Социологической лабораторией РУДН и адаптированного для сербской выборки. Исследование проводилось Сербской Академией образования под руководством профессора Д. Марковича и кафедрой социологии философского факультета Университета Приштины, временного расположенного в Косовска-Митровице.
- (2) Телевизионный канал «B92» в рамках проекта «Очевидец» в 2012 г. запустил документальный сериал под названием «Патриотический грабеж», посвященный событиям в Косово и Метохии. Албанские сепаратисты были показаны как легитимные представители власти, сербы, проживающие и работающие на севере Косово и в Метохии, — как «криминальные структуры».
- (3) Данное анкетирование, как и опрос в 2009 г. среди студенчества Косовска-Митровицы, было проведено профессором У. Шуваковичем и доцентом Я. Петровичем на базе кафедры социологии философского факультета Университета Приштины, временно расположенного в Косовска-Митровице, в рамках проекта III 47023 «Косово и Метохия: национальная идентичность и европейская интеграция».
- (4) Студентам в Косовска-Митровице не задавался прямой вопрос о самоидентификации в терминах патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006—2010 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 11.07.2005 г.). URL: <http://base.garant.ru/188373/#100>
- [2] Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 5.10.2010 г.). URL: <http://base.garant.ru/199483>
- [3] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1978. — Т. 3.
- [4] *Добролюбов Н.А.* Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым // Собр. соч. в 3 т. — М.: «Художественная литература», 1986. — Т. 1.
- [5] *Левашов В.К.* Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. — 2006. — № 8.
- [6] *Менделеев Д.И.* К познанию России. — СПб., 1907.
- [7] Новый русский патриотизм: национальный, государственный или гражданский! URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13603>
- [8] *Толстой Л.Н.* Патриотизм и правительство // Полное собр. соч. в 90 т. — М.: Изд-во художественной литературы, 1958. — Т. 90.
- [9] *Шановалов В.Ф.* Российский патриотизм и российский антипатриотизм // Общественные науки и современность. — 2008. — № 1.
- [10] *Avramović Z.* Rodomrsci (o jednom delu srpskih političara i intelektualaca od 1990—2009). — Novi Sad: Kultura polisa, Grafomarketing, 2009.
- [11] *Avramović Z.* Demokratija i bombardovanje. — Beograd: Prosveta, 2012.
- [12] *Marković D.Ž.* Uloga nacionalnog vaspitanja u očuvanju kulturnog identiteta u globalizirajućem društvu // S. Denić. Mogućnost nacionalnog vaspitanja u vreme globalizacije. — Vranje: Učiteljski fakultet Univerziteta u Nišu, 2010.
- [13] *Marković M.* Osporavanja i angažovanja, Izabrana dela. Knj.8. — Beograd: BIGZ, GENES-S Štampa, Prosveta, SKZ, 1994.

- [14] *Nadić D, Šuvaković U.* Patriotizam kao vrednost kod studenata krajem prve decenije XXI veka. — Beograd: Godišnjak SAO za 2010, 2011.
- [15] *Petrović J.* Vrednosni stavovi studenata: religioznost, prosocijalni stavovi i odnos prema budućnosti. — Beograd: Godišnjak SAO za 2010, 2011.
- [16] *Podunavac M.* Socijalizacija (politička) // M. Matić. Enciklopedija političke kulture. — Beograd: Savremena administracija, 1993.
- [17] *Radovičić M.* Istorija u krivom ogledalu: nevladine organizacije i politika interpretiranja skorije južnoslovenske prošlosti. — Beograd: Institut za političke studije, 2009.
- [18] *Ramon y Kahal S. don.* Pravila i saveti za naučna istraživawa (podsticaji volje). — Madrid: CSIC, 2007.
- [19] *Smiljković R.* Moralno-ekonomska kriza buržoaske restauracije u Srbiji i odgovornost elita moći // *Politička Revija*. — 2011. — № 2.
- [20] *Šuvaković U.* Nacionalno vaspitanje — put usvajanja i globalnih i nacionalnih vrednosti // S. Denić. Mogućnost nacionalnog vaspitanja u vreme globalizacije. — Vranje: Učiteljski fakultet Univerziteta u Nišu, 2010.

**PATRIOTISM AS A VALUE:
COMPONENTS OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS
(comparative characteristics of Russia and Serbia)**

U.V. Šuvaković¹, I.V. Trotsuk²

¹Department of Sociology
Faculty of Philosophy
University of Priština

Temporary Head Office in Kosovska Mitrovica
Filipa Višnjića bb, Kosovska Mitrovica, Serbia, 38220

²Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article presents basic conceptual and empirical interpretations of the notion “patriotism”, used in sociological research on various subjects. On the one hand, the authors point out the complexity of this notion used by various disciplines, which becomes even more complex due to its obvious ideological connotation. The latter shifted its content and functional accents in the post-soviet period, but never lost its weight, which actually stands in the way of reaching a compromise by researchers in their theoretical interpretations of patriotism. On the other hand, the article demonstrates the “diagnostic” significance of empirical “readings” of the patriotic moods among the youth: it presents empirical indicators of assessing patriotism as a social goal, basic research approaches to the study of patriotism are systematized, and a comparative analysis of patriotic moods among students in Russia and Serbia is carried out.

Key words: patriotism; a patriotic mood; conceptual and empirical interpretations of patriotism; students; Russia and Serbia; questionnaire tools.

REFERENCES

- [1] Gosudarstvennaja programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2006—2010 gody» (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 11.07.2005 g.). URL: <http://base.garant.ru/188373/#100>
- [2] Gosudarstvennaja programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2011—2015 gody» (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 5.10.2010 g.). URL: <http://base.garant.ru/199483>
- [3] *Dal' V.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. — M.: Russkij jazyk, 1978. — T. 3.
- [4] *Dobroljubov N.A.* Russkaja civilizacija, sochinennaja g. Zherebcovym // *Sobr. soch. v 3 t.* — M.: «Hudozhestvennaja literatura», 1986. — T. 1.
- [5] *Levashov V.K.* Patriotizm v kontekste sovremennyh social'no-politicheskikh realij // *Sociologicheskie issledovanija.* — 2006. — № 8.
- [6] *Mendelev D.I.* K poznaniju Rossii. — SPb., 1907.
- [7] *Novyj russkij patriotizm: nacional'nyj, gosudarstvenniceskij ili grazhdanskij!* URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13603>
- [8] *Tolstoj L.N.* Patriotizm i pravitel'stvo // *Polnoe sobr. soch. v 90 t.* — M.: Izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1958. — T. 90.
- [9] *Shapovalov V.F.* Rossijskij patriotizm i rossijskij antipatriotizm // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'.* — 2008. — № 1.